

К 1913

8115226

К 1913

214

1916

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

II.

К 1911 С

Σ 5226

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Вторая Часть.

30206

Переводъ
1950

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

СТУХОВИЦА

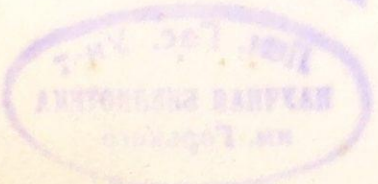
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Купи

20708

САНИТАРНА

Съ дозволенія Правительства.

1825.

7191631

I.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Посвящено Н. Н. Р.

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait....

Межь шѣмь, какъ изумленный мѣръ
На урну Байрона взираеть,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данше шѣнь его внимаеть,

Зовешь меня другая шѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни спрданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,

Пѣвцу возвышенной мечпы

Звучишь незнаемая лира.

Пою. Мнѣ внемлешь онъ и пы.

Подъялась вновь усшалая сѣкира

И жертву новую зовешъ.

Пѣвецъ гошовъ; задумчивая лира

Въ послѣднѣй разъ ему поешъ ъ.

Заушра казнь, привычный пиръ народу;

Но лира юнаго пѣвца

О чемъ поешъ? Поешъ она свободу:

Не измѣнилась до конца!

“

. . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
 Я плахъ обречень. Послѣдніе часы
 Влачу. Заушра казнь. Торжественной рукою
 Палачъ мою главу подымешъ за власы

Надъ равнодушною толпою.

Простите, о друзья! Мой неприютный прахъ
 Не будетъ почивашъ въ саду, гдѣ провождали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ

Священно вамъ воспоминанье;

Исполните мое послѣднее желанье:

Оплачьте, милые, мой жребій въ пишинѣ;

Спрашитесь возбудишь слезами подозрѣнье;

Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы пресшупленье:

О братель сожалѣшь не смѣешь нынѣ братель.

Еще жъ одна мольба: вы слушали спокрапъ

Спихи, лепучихъ думъ небрежныя созданья,

Разнообразныя, завѣшныя преданья

Всей младости моей. Надежды, и мечпы,

И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
 Всю жизнь мою храняшь. У Авеля, у Фанни 2,
 Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
 Сберите. Спрогій свѣшь, надменная молва
 Не будущъ вѣдашь ихъ. Увы, моя глава
 Безвременно падешъ: мой незрѣлый геній
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ швореній;
 Я скоро весь умру. Но, шнь мою любя,
 Храните рукопись, о други, для себя!
 Когда гроза пройдетъ; шолпою суевѣрной
 Сбирайшесь иногда чипашь мой свিশокъ вѣрной,
 И, долго слушая, скажите: эшо онъ;
 Вошь рѣчь его. А я, забывъ могильный сонъ,
 Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 Упьюсь... и, можешъ бышь, ушѣшень буду я
 Любовью; можешъ бышь, и Узница моя 3,
 Уныла и блѣдна, спихамъ любви внимаю...»

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
 Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
 Пора весны его съ любовію, поскокой
 Промчалась передъ нимъ. Красавиць шомны очи,
 И пѣсни, и пиры, и пламенные ночи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече... и стиховъ журчанье излилось:

« Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣспной жизни пѣнь,
 Свободу, и друзей, и сладостную лѣнь?
 Судьба лелѣяла мою злпшую младость;
 Безпечною рукой меня вѣнчала радостъ,
 И муза чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.
 Когда жъ, Вакхической шревогой упомясь
 И новымъ пламенемъ незапно воспалась,

Я упромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смященіи и гнѣвѣ;
Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, упраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Какъ сладко жизнь моя лилась и ушекала!
Зачѣмъ опъ жизни сей, лѣнливой и простой,
Я кинулся шуда, гдѣ ужась роковой,
Гдѣ спрасши дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Чшо дѣлалъ было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, спихамъ и шишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
Мнѣ ль было управляшь спрошпивыми конями
И крушо напрягашь безсильныя бразды?
И чшо жъ оставлю я? Забышые слѣды
Безумной ревности и дерзости ничшожной.
Погибни, голось мой, и шы, о призракъ ложной,
Ты, слово, звукъ пустой...

« О нѣшь!

Умолкни, ропоть малодушной!

Гордись и радуйся, поэтъ:

Ты не поникъ главой послушной

Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;

Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;

Твой свѣпочъ, грозно пламеня,

Жестокимъ блескомъ озарилъ

Совѣшь правителей безславныхъ 4;

Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ

.....

Твой сѣпихъ свиспаль по ихъ главамъ;

Ты звалъ на нихъ, пы славилъ Немезиду;

Ты пѣлъ Марашовымъ жрецамъ

Клижалъ и дѣву-эвмениду!

Когда свяшый шарикъ ошь плахи оприваль

Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой:

Ты смѣло имъ обоймъ руку даль,

И передъ вами препешаль

Ареопагъ оспервенѣлой.

Гордись, гордись, пѣвецъ; а ты, свирѣпый звѣрь,

Моей главой играй шеперь:

Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:

Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!

Пей нашу кровь, живи, губя:

Ты все пигмей, пигмей ничтожный.

И часъ придетъ... и онъ ужъ недалекъ:

Падешь, тиранъ! Негодование

Воспрянешъ наконецъ. Опечесства рыданье

Разбудишь ушомленный рокъ.

Теперь иду... пора... но ты спунай за мною;

Я жду тебя. »

Такъ пѣлъ воспорженный поэтъ.

И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ

Блѣднѣлъ предъ упренней зарёю,

И упрое вѣяло въ шемницу. И поэтъ

Къ рѣшешкѣ поднялъ важны взоры...

Вдругъ шумъ. Пришли, зовущъ. Они! Надежды нѣтъ!

Звучашъ ключи, замки, запоры.

Зовушь... Поспой, поспой; день шолько, день одинь:

И казней нѣшь, и всѣмъ свобода,

И живь великій гражданинь

Среди великаго народа 5.

Не слышашь. Шествие безмолвно. Ждешь палачь.

Но дружба смершный пушь поэша очаруешь 6.

Вошь плаха. Онъ взошель. Онъ славу именуешь 7...

Плачь, муза, плачь!...

II.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хошѣла
Рука предашь огню всѣ радости мои!...
Но полно, часъ насталь: гори, письмо любви.
Готовъ я; ничему душа моя не внемлешь.
Ужъ пламя жадное листы твои приемлешь...
Минушу!.. вспыхнули... пылаюшь... легкій дымъ
Віясъ перяется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ персяня вѣрнаго упрята впечатлѣнье,
Располенный сургучъ кишишь... О провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легкому пепѣ ихъ завѣшныя черны
Бѣлюшь... Грудь моя спѣснилась. Пепель милой,
Оспрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди....

III.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
 Безмолвно предъ шобой колѣнопреклоненный,
 Я на себя глядѣль и думаль: шы моя;
 Ты знаешь, милая, желаль ли славы я;
 Ты знаешь: удалень ошь въпреннаго свѣща,
 Скучая суешнымъ прозваніемъ поэша,
 Усшавъ ошь долгихъ бурь, я вовсе не внималь
 Жужжанью дальному упрековъ и похваль.
 Могли ль меня молвы превожись приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ шомишельные взоры
 И руку на главу мнѣ шихо наложивъ,
 Шепшала шы: скажи, шы любишь, шы сшаспливь?

Другую, какъ меня, скажи, любишь не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
 А я спѣшенное молчаніе хранилъ,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Чшо нѣшь грядущаго, чшо грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... И чшо же? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Чшо я, гдѣ я? Сшою,
 Какъ пушникъ, молніей постигнуемый въ пуспынѣ,
 И все передо мной зашмилося! И нынѣ
 Я новымъ для меня желаніемъ помимъ:
 Желаю славы я, чшобъ именемъ моимъ
 Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чшобъ пы мною
 Окружена была, чшобъ громкою молвою
 Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ,
 Чшобъ, гласу вѣрному внимая въ пишинѣ,
 Ты помнила мои послѣднія моленья
 Въ саду, во шмѣ ночной, въ минушу разлученья.

IV.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнуль веселія гласъ?
Раздайтесь, Вакхальны припѣвы!
Да здравспвуюшь нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣе стаканъ наливайте!
На звонкое дно
Въ густое вино
Завѣшныя кольца бросайте!

Подыmemъ спаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуюшь музы, да здравствуюшь разумъ!
Ты, солнце свяшое, гори!
Какъ эша лампада блѣднѣешь
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудросшь мерцаешь и плѣешь.
Предъ солнцемъ безсмершнымъ ума.
Да здравствуюшь солнце, да скроешь пма!

V.

Если жизнь тебя обманешь;

Не печалься, не сердись!

Въ день унынія смирись:

День веселья, вѣрь, настанешь.

Сердце въ будущемъ живешь;

Настоящее уныло:

Все мгновенно, все пройдетъ;

Что пройдетъ, то будетъ мило.

VI.

С А Ф О.

Счастливый юноша, ты всёшь меня плънилъ:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младоспи красой женоподобной.

VII.

КОЗЛОВУ.

Пѣвецъ, когда передъ шобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно швой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣшлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый брашъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.

Тебѣ онъ создалъ новый міръ :
Ты въ немъ и видишь , и лепашь ,
И вновь живешь , и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.

А я , коль спихъ единый мой
Тебѣ мгновенье даль оспрады ,
Я не хочу другой награды :
Недаромъ темною спезей
Я проходилъ пусшыню міра ,
О нѣшь , не даромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

VIII.

К Ъ * * *

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Въ помленьяхъ грусти безнадежной,
Въ шревогахъ шумной суешы,
Звучаль мнѣ долго голось нѣжной
И сннлись мнллыя чершы.

Шли годы. Бурь порывъ мяжежный
Разстялъ прежнія мечпы,
И я забыль твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черпы.

* * * * *

Въ глуши, во мракъ започенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вошь опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье ,
И жизнь, и слезы, и любовь.

IX.

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЬ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопчешь?
Давай мнѣ мысль какую хочешь:
Ее съ конца я завоспряю,
Лешучей рифмой оперю,
Вложу на шепиву шутую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А шамъ пошлю наудалю,
И горе нашему врагу!

X.

Д В И Ж Е Н І Е.

Движенья нѣшь, сказалъ мудрецъ брадашый.
Другой смолчалъ и сшалъ предъ нимъ ходишь.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразишь;
Хвалили всѣ опвѣшь замысловашый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводишь:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходишь,
Однако жъ правъ упрямый Галилей.

XI.

Д Р У Ж Б А.

Что дружба? Легкій пыль похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнь щеславія, бездѣлья,
Иль покровительсва позоръ.

XII.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи празднои,
Весны пѣвецъ разнообразнои
Урчишь, и свищешь, и гремишь;
Но безполковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое швердишь,
И эхо вслѣдъ за нею то же.
Накуковали намъ поску!
Хоть убѣжашь. Избавь насъ, Боже,
Ошь элегическихъ куку!

XIII.

С О В Ъ Т Ъ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ себя лешаешь рой журнальной,
Не разсуждай, не спрашь учпивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смиришь ихъ родъ упрямой.
Сердишься грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграмой.

XIV.

Подъ небомъ голубымъ спраны своей родной
 Она помила, увядала...
 Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
 Младая пѣнь уже лешала;
 Но недоступная черта межъ нами есть.
 Напрасно чувство возбуждалъ я:
 Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
 И равнодушно ей внималъ я.
 Такъ вошь кого любилъ я пламенной душой
 Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
 Съ такою нѣжною, помпешельной поскою,
 Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
 Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
 Для бѣдной, легковѣрной пѣни,
 Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
 Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

XV.

19 ОКТЯБРЯ.

Роняешь лѣсъ багряный свой уборъ,
Сребришь морозъ увянувшее поле,
Проглянешь день какъ будшо по неволѣ,
И скроешь за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминь, въ моей пусынной кельѣ;
А шы, вино, осенней спужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь опрадное похмѣлье,
Минушное забвенье горькихъ мукъ.

Печалень я: со мною друга пѣшь,
 Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
 Кому бы могъ пожашь опъ сердца руку
 И пожелашь веселыхъ много лѣшь.
 Я пью одинъ; вопще воображенье
 Вокругъ меня товарищей зовешъ;
 Знакомое не слышно приближенье,
 И милаго душа моя не ждешъ.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
 Меня друзья сегодня именуютъ....
 Но многіе ль и шамъ изъ васъ пируютъ?
 Еще кого не дощипались вы?
 Кто измѣнилъ пѣвнишельной привычкѣ?
 Кого опъ васъ увлекъ холодный свѣшь?
 Чей гласъ умолкъ на брашской переключкѣ?
 Кто не пришель? Кого межъ вами пѣшь?

Онъ не пришелъ кудрявый нашъ пѣвецъ,
 Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
 Подъ миршами Италіи прекрасной
 Онъ пицо спитъ, и дружескій рѣзецъ
 Не начерпалъ надъ Рускою могилой
 Словъ нѣсколько на языкъ родномъ,
 Чпобъ нѣкогда нашель привѣшь унылой
 Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
 Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
 Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
 И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
 Счастливымъ путь!.. Съ Лицейскаго порога
 Ты на корабль перешагнуль шупя,
 И съ той поры въ моряхъ швоя дорога,
 О волнь и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечшались тебѣ;
Ты проспираль изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
И повпорялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, бышь можешь, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сроспался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастье куда бь ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Опечесство намъ Царское - село.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запущанный въ сѣняхъ судьбы суровой,
Я съ шрепешомъ на лоно дружбы новой,
Успавъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мяшежной,
Съ доврчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обиталищахъ пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая гошовилась опрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэша домъ опальный,
О * * * мой, ты первый посѣщилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.

Ты, * * *, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все шопъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Спущая въ жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣпились и брашки обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ;
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной
Подъ бурею главою поникъ я томной,
И ждалъ себя, вѣщунъ Пермскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О * * * мой: твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсень въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ лезали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я спрашилъ безъ вниманья,
Ты гений свой воспѣывалъ въ шиши.

Служенье музъ не терпимъ суебъ;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность намъ совѣщаетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя шамъ.
Скажи, * * *, не по ль и съ нами было,
Мой братель родной по музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! душевных наших мук
Не споишь мірь; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
Приди; огнемъ волшебнаго разказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую опрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчишься годъ, и съ вами снова я,
Исполнишься завѣщъ моихъ мечпаній;
Промчишься годъ, и я явлюся къ вамъ!
О сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ подьяшыхъ къ небесамъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
Наспавникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мершвымъ и живымъ,
Къ ушпамъ подьявъ признапельную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы шуть!
Увы, нашъ кругъ часъ опъ часу рѣдѣеть;
Кшо въ гробѣ спить, кшо дальный сирощѣеть;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгушь;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому жь изъ насъ подъ спарость день Лицея
Торжешвовашъ придется одному?

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Доучный гость и лишній и чужой,
Онъ вспомнишь насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ опрадой хопъ печальной
Тогда сей день за чашей проведѣтъ,
Какъ нынѣ я, зашворникъ вашъ опальной,
Его провель безъ горя и заботъ.

XVI.

ЖЕНИХЪ.

Три дня купеческая дочь
Наташа проадала ;
Она на дворъ на шрешью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами опецъ и машь
Къ Наташѣ стали пристунашь.
Наташа ихъ не слышишь ,
Дрожишь и еле дышишь.

Тужила мать, пужиль опець,
И долго приступали,
И опсупились наконецъ,
А пайны не узнали.
Нашаша спала, какъ была,
Опяшь румяна, весела,
Опяшь пошла съ сестрами
Сидѣшь за ворошами.

Разъ у песовыхъ у ворошь,
Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица — и вошь
Промчалась передъ ними
Лихая пройка съ молодцомъ.
Конями, крышыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ споя правишь
И гонишь всѣхъ и давишь.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
Нашаша поглядѣла,
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
Нашаша помершвѣла.
Спрямглавъ домой она бѣжишь.
Онъ! онъ! узнала! говоришь,
Онъ, шочно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!

Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Опець ей: «милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто себя, скажи,
Хоть шолько слѣдъ намъ укажи.»
Нашаша плачешъ снова.
И болѣе ни слова.

Наустро сваха къ нимъ на дворъ

Нежданая приходишь.

Нашашу хвалишь, разговоръ

Съ ошцомъ ея заводишь:

«У васъ шоварь, у насъ купецъ;

Собою парень молодець,

И смашной, и проворной,

Не вздорной, не зазорной.

«Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ

Не кланяешся въ поясъ,

А какъ бояринъ между шѣмъ

Живешь, не безпокоюсь;

А подарить невѣстѣ вдругъ

И лисью шубу, и жемчугъ,

И перстни золошые,

И плашья парчевыя.

« Капаясь, видѣль онъ вчера

Ее за ворошами;

Не по рукамъ ли, да съ двора,

Да въ церковь съ образами? »

Она сидишь за пирогомъ,

Да рѣчь ведешь обинякомъ,

А бѣдная невѣста

Себѣ не видишь мѣста.

« Согласень, говоришь опецъ;

Спунай благополучно,

Моя Напаша, подь вѣнецъ:

Одной въ свѣшелкѣ скучно.

Не вѣкъ дѣвицей вѣковашь,

Не все косачкѣ распѣвашь,

Пора гнѣздо устройшь,

Чшобъ дѣшущекъ покоишь. »

Нашаша къ спѣнкѣ уперлась

И слово молвить хочешь —

Вдругъ зарыдала, запряслась,

И плачешь и хохочешь.

Въ смященьи сваха къ ней бѣжишь,

Водой спуденою поипь

И льешь оспашокъ чаши

На голову Нашаша.

Крушишься, охаешь семья.

Опомнилась Нашаша,

И говоришь: «послушна я,

Святая воля ваша.

Зовише жениха на пирь,

Пекише хлѣбы на весь мѣрь,

На славу медь варише,

Да судь на пирь зовише.»

« Изволь, Нашаша, ангель мой!

Гоповь шебъ въ забаву

Я жизнь опдашь!» — И пирь горой;

Пекушь, варяшь на славу.

Вошь госпи чеспные нашли,

За шоль невѣспу повели;

Поюшь подружки, плачущь,

А вошь и сани скачущь.

Вошь и женихъ — и всѣ за шоль.

Звеняшь, гремяшь стаканы,

Заздравный ковшь кругомъ пошоль;

Все шумно, госпи пьяны.

Женихъ. «А чшо же, милые друзья,

Невѣспа красная моя

Не пьешь, не ѣшь, не служишь:

О чемъ невѣспа шужишь?»

Невѣста жениху въ отвѣтъ :

« Откроюсь на удачу.

Душѣ моей покоя нѣтъ ,

И день и ночь я плачу.

Недобрый сонъ меня крушитъ. »

Отецъ ей : « что жъ твой сонъ гласитъ ?

Скажи намъ , что такое ,

Дитя мое родное ? »

« Мнѣ снилось , говоритъ она ,

Зашла я въ лѣсъ дремучій ,

И было поздно ; чушь луна

Свѣтила изъ-за шучи ;

Съ тропинки сбилась я : въ глуши

Не слышно было ни души ,

И сосны лишь да ели

Вершинами шумѣли.

« И вдругъ, какъ будто наяву,

Изба передо мною.

Я къ ней спучу — молчашь. Зову —

Опвѣша нѣшъ; съ мольбою

Дверь отворила я. Вхожу —

Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу —

Вездѣ сребро, да злато,

Все свѣшло и богашо. »

Женихъ. « А чѣмъ же худъ, скажи, швой сонъ? »

Знашь жить шебъ богашо. »

Невѣста. « Поспой, сударь, не кончень онъ.

На серебро, на злато,

На сукна, коврики, парчу,

На Новгородскую камчу

Я молча любовалась,

И диву дивовалась.

« Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ...

Подъѣхали къ крылечку.

Я поскорѣ дверью хлопъ,

И спрягалась за печку.

Вошь слышу много голосовъ....

Взошли двѣнадцать молодцовъ,

И съ ними голубица

Красавица-дѣвица.

« Взошли шолпой, не поклонясь,

Иконъ не замѣчая;

За споль сядяся, не молясь

И шапокъ не снимая.

На первомъ мѣстѣ брашь большой,

По праву руку брашь меньшей,

По лѣву голубица

Красавица-дѣвица.

« Крикъ, хохоть, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмѣлье... »

Женихъ. « А чѣмъ же худъ, скажи, швой сонъ?
Въщаешь онъ веселье. »

Невѣста. « Постой, сударь, не конченъ онъ.

Идешь похмѣлье, громъ и звонъ,

Пиръ весело бушуешь,

Лишь дѣвица горюешь.

« Сидишь, молчишь, ни ѣшь, ни пьешь,

И шокоть слезы шочишь,

А старшій бракъ свой ножъ берешь,

Присвистывая шочишь;

Глядишь на дѣвицу-красу,

И вдругъ хващаешь за косу,

Злодѣй дѣвицу губишь,

Ей праву руку рубишь. »

Ну, эшо, говоришь женихъ,
Прямая небылица!
Но не шужи, пвой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа-дѣвица.

Она глядишь ему въ лицо.

« А эшо съ чьей руки кольцо? »

Вдругъ молвила невеста,
И всѣ привсѣпали съ мѣспа.

Кольцо капишься и звенишь,

Женихъ дрожишь блѣднѣя;

Смушились гости — Судь гласишь:

Держи, вязать злодѣя!

Злодѣй окованъ, обличенъ,

И скоро смертію казненъ.

Прославилась Нашаша!

И вся шупь пѣсня наша.

XVII.

Въ крови горишь огонь желанья,
Душа побой уязвлена,
Лобзай меня: швои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почию безмятежной,
Пока дохнешь веселый день
И двигнешся ночная шнь.

XVIII.

Верпоградъ моей сестры
Верпоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжипь запечашлнный.
У меня плоды блестящъ
Наливные, золошые;
У меня бѣгушь, шумящъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣшь аквилонъ,
И закаплюшь ароматы.

XIX.

П. А. О * * *.

Бышь можешь, ужь недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставашся,
Вздыхашь о милой спаринѣ,
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предавашся.

Но и въ дали, въ краю чужомъ
Я буду мыслию всегдашней
Бродишь Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подь сѣнью липъ домашней.

Когда померкнеть ясный день,
Одна изъ глубины могильной
Такъ иногда въ родную сѣнь
Лепишь поскующая шѣнь
На милыхъ бросишь взоръ умильной.

XX.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Берегъ моря. Фаустъ и Мефистофиль.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлаешь, Фаустъ?

Таковъ вамъ положень предѣль,

Его жь никто не пресупаешь.

Вся шварь разумная скучаешь:

Иной ошь лѣни, пошь ошь дѣль;

Кпо вѣришь, кпо ушрашилъ вѣру;

Тошь насладишься не успѣль,

Тошь насладился черезмѣру,

И всякъ зѣваешь да живешь —
 И всѣхъ вась гробъ, зѣвая, ждешь.
 Зѣвай и ты.

Ф а у с т ь .

Сухая шушка!

Найди мнѣ способъ какъ нибудь
 Разсѣяшься.

М е ф и с т о ф и л ь .

Доволенъ будь

Ты доказательствомъ разсудка.
 Въ своемъ альбомѣ запиши:
 Fastidium est quies — скука
 Опдохновеніе души.
 Я психологъ... о вошь наука!..
 Скажи, когда ты не скучалъ?
 Подумай, поищи. Тогда ли,
 Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,
 А розги умъ швой возбуждали?
 Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ
 Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья

И въ буйствѣ шумномъ посвящаль
 Имъ пыль вечерняго похмѣлья?
 Тогда ль, какъ погрузился пы
 Въ великодушныя мечпы,
 Въ пучину темную науки?
 Но, помнишься, тогда со скуки,
 Какъ арлекина, изъ огня
 Ты вызваль наконецъ меня.
 Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
 Развеселишь шебя старался,
 Возилъ и къ вѣдьмамъ и къ духамъ,
 И что же? все попусыякамъ.
 Желаль пы славы — и добился,
 Хошѣль влюбисься — и влюбился.
 Ты съ жизни взяль возмoжну дань,
 А былъ ли счастливъ?

Ф а у с т ь.

Пересхань,
 Не расправляй мнѣ язвы шайной.
 Въ глубокомъ знаньи жизни нѣшь —

Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
 А слава... лучъ ея случайной
 Неуловимъ. Мѣрская честь
 Безсмысленна, какъ сонъ... Но есть
 Прямое благо: сочешанье
 Двухъ душъ...

МЕФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье,
 Не правда ль? Но нельзя ль узнатьъ,
 Кого изволишь поминашь,
 Не Грешхень ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесной!
 О пламя чистое любви!
 Тамъ, шамъ — гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесной,
 Гдѣ сладко-звонкія струи —
 Тамъ, на груди ея прелестной
 Покоя помную главу,
 Я счасливъ былъ...

Мефистофиль.

Творецъ небесной!

Ты бредишь, Фауспъ, наяву!

Услужливымъ воспоминаемъ

Себя обманываешь ты.

Не я ль шебъ своимъ спараньемъ

Доспавиль чудо красопы?

И въ часъ полуночи глубокой

Съ шобою свель ее? Тогда

Плодами своего шруда

Я забавлялся одинокой,

Какъ вы вдвоемъ — все помню я.

Когда красавица швоя

Была въ воспоргъ, въ упоеньъ,

Ты безпокойною душой

Ужь погружался въ размышленье

(А доказали мы съ шобой,

Чшо размышленье — скуки сѣмя).

И знаешь ли, философъ мой,

Чшо думаль ты въ такое время,

Когда не думаешь никто? какою ни сят

Сказашь ли? ...

... Ф а у с т ь

Говори. Ну, что? ...

... Мефистофиль. ...

Ты думалъ: агнецъ мой послушной!

Какъ жадно я себя желалъ!

Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной

Я грезы сердца возмущалъ!

Любви невольной, безкорыстной

Невинно предалась она...

Чтожь грудь моя теперь полна

Тоской и скукой ненавистной?...

На жертву прихопи моей

Гляжу, упившись наслажденьемъ,

Съ неодолимымъ опвращеньемъ:

Такъ безрасчетный дуралей,

Вошше рѣшась на злое дѣло,

Заръзавъ ницаго въ лѣсу,

Бранишь ободранное шѣло;

Такъ на продажную красу,
 Насышась ею поропливо,
 Развращь косишся боязливо...
 Пошомъ изъ эшаго всего
 Одно ты вывелъ заключенье...

Ф а у с т ь.

Сокройся, адское шворенье!
 Бѣги ошь взора моего!

М е ф и с т о ф и л ь.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
 Безъ дѣла, знаешь, ошь тебя
 Не смѣю ошлучаться я —
 Я даромъ времени не шрачу.

Ф а у с т ь.

Что шамъ бѣлѣешь? говори.

М е ф и с т о ф и л ь.

Корабль Испанскій шрехмачшовый,
 Приспашь въ Голландію гошовый:
 На немъ мерзавцевъ сошни шри,

Двѣ обезьяны, бочки злапа,
 Да грузъ богатый шоколада...

.....

Ф л а у с т ь .

Все упоишь.

М е ф и с т о ф и л ь .

Сей часъ. (*Исчезаетъ.*)

XXI.

Н. Н.

Примите Невскій Альманахъ.

Онъ миль и въ прозѣ и въ стихахъ:

Вы шупъ найдете * * * ова,

Вел * * * , Х * * * ова;

К * * * , дальній вашъ родня,

Украшилъ шакже книжку эшу;

Но не найдете вы меня:

Мои стихи скользнули въ Лешу.

Чшо слава міра?.. дымъ и прахъ.

Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!...

Но, кажешся, мнѣ шрудно поже

Понаспъ и въ эшошъ альманахъ.

XXII.

Б У Р Я.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда, лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И въшерь бился и лешалъ
Съ ея лепучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглѣ
И небо въ блескахъ безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнь, небесъ и бури.

1826.

1928
C11617

I.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою помимъ,
 Въ пуспынѣ мрачной я влачилъ,
 И шестикрылой Серафимъ
 На перепушѣ мнѣ явился;
 Першами легкими какъ сонъ
 Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
 Отверзлись вѣщія зѣницы,
 Какъ у испуганной орлицы.
 Моихъ ушей коснулся онъ,
 И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
 И внялъ я неба содроганье,
 И горній ангеловъ полѣтъ,

И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ ушамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшной мой языкъ,
И празднословной и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце препешное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отъверсшую водвинулъ.
Какъ шрूपъ въ пустынь я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, Пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.»

II.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые шуманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льется печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Ушомшельно гремитъ.

Чшо-шо слышишся родное

Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика :

То разгулье удалое ,

То сердечная шоска....

Ни огня , ни черной хашы... ..

Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ

Только вершы полосапы

Попадаюшя одинѣ.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,

Завтра къ милой возвращаюсь,

Я забудусь у камина,

Загляжусь не наглядясь,

Звучно спрѣлка часовая
Мѣрной кругъ свой совершишь,
И докучныхъ удаляя
Полночь насъ не разлучишь.

Грустно, Нина: пущь мой скучень,
Дремля смолкнуль мой ящичь,
Колокольчикъ однозвучень,
Опуманень лунный ликъ.

III.

ОТВѢТЪ О. Т***.

Нѣшь, не Черкешенка она:
 Но въ доли Грузіи опѣвка
 Такая дѣва не сошла
 Съ высотъ угрюмага Казбека.

Нѣшь, не агать въ глазахъ у ней:
 Но всѣ сокровища воспока
 Не спояшь сладостныхъ лучей
 Ея полуденнаго ока.

IV.

КЪ ЯЗ***.

Яз***, кто тебѣ внушилъ
 Твое посланье удалое?
 Какъ ты шалишь, и какъ ты миль,
 Какой избытокъ чувствъ и силъ,
 Какое буйство молодое!
 Нѣтъ, не Каспальскою водою
 Ты воспоилъ свою камену;
 Пегась иную Иппокрену
 Копытомъ вышибъ предъ тобой.
 Она не хладной льется влагой,
 Но пѣнилася хмѣльною брагой;

Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напишокъ благородной,
Сліянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

1827.

К 161 С

I.

С Т А Н С Ы.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мяшежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ ошь буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ опличень Долгорукой.

**

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ спраны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ;
Во всемъ будь Пращуру подобень:
Какъ Онъ неушомимъ и швѣрдъ,
И памяшью, какъ Онъ, незлобень.

II.

ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
На пустынные скалы,
Гдѣ луна шеплетъ блещеть
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводишь Мусульманъ,
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила :

« Сохрани мой шалисманъ :

Въ немъ шаиншвенная сила !

Онъ тебѣ любовью данъ.

Опъ недуга, опъ могилы,

Въ бурю, въ грозный ураганъ,

Головы швоей, мой милый,

Не спасешъ мой шалисманъ.

И богатствами Востока

Онъ тебя не одаритъ,

И поклонниковъ Пророка

Онъ тебѣ не покоритъ ;

И тебя на лоно друга,

Опъ печальныхъ чуждыхъ странъ,

Въ край родной на сѣверъ съ юга

Не умчишь мой шалисманъ....

Но когда коварны очи
Очаруюшь вдругъ себя,
Иль уша во мракъ ночи
Поцалуюшь не любя:
Милый другъ! ошь преспуленья,
Ошь сердечныхъ новыхъ рань,
Ошь измѣны, ошь забвенья
Сохранишь мой палисмань! »

III.

А Н Г Е Л Ъ.

Въ дверяхъ Эдема Ангель нѣжный
Главой поникшею сіяль,
А Демонъ мрачный и мясежный
Надъ адской бездною лешаль.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взираль
И жарь невольный умиленья
Впервые смушно познаваль.

Прости, онъ рекъ, себя я видѣль,

И ты недаромъ мнѣ сіяль:

Не все я въ небѣ ненавидѣль,

Не все я въ мірѣ презиралъ.

IV.

СОЛОВЕЙ,

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мгль ночей,
Поешь надъ розою воспочный соловей.
Но роза милая не чувствуешь, не внемлешь,
И подь влюбленный гимнь колеблется и дремлешь.
Не такъ ли ты поешь для хладной красопы?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуешь поэта;
Глядишь, она цвѣтеть; взываешь— нѣтъ отвѣта.

V.

ЧЕРЕПЪ.

Прими сей черепъ, Д***: онъ
 Принадлежишь тебѣ поправу.
 Тебѣ повѣдаю, баронь,
 Его гошическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ
 Парамъ Вакха нагрѣвался;
 Липовскій мечъ въ недобрый часъ
 По немъ со звономъ ударялся;
 Сквозь эпу косъ не проходила
 Лучъ живошворный Аполлона;
 Ну словомъ, черепъ сей хранилъ
 Тяжеловѣсный мозгъ барона,

Барона Д***. Баронъ
 Конечно былъ охотникъ славный,
 Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
 Гроза вассаловъ и ихъ жёнъ.
 Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
 И предокъ швой крѣпкоголовый
 Смутился бь рыцарской душой,
 Когда бь тебя передь собой
 Увидѣлъ безъ одежды бранной,
 Съ главою, мѣрами вѣнчанной,
 Въ очкахъ и съ лирой золошой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
 Ужь былъ давно записанъ онъ,
 И съ предками своими въ Ригѣ
 Вкушалъ непробудимый сонъ.
 Баронъ въ обители печальной
 Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
 Пастора лѣшью погребальной,
 Гербомъ гробницы феодальной

И эпиграфией плохой,
 Но въ наши безпокойны годы
 Покойникамъ покоя нѣшь.
 Космашый баловень природы,
 И матемашикъ и поэшь,
 Буянь задумчивый и важный,
 Хирургъ, юриспъ, физиологъ,
 Идеологъ и филологъ,
 Короче вамъ — студентъ присяжный,
 Съ вишою шрубкою въ зубахъ,
 Въ плащъ, съ дубиной и въ усахъ
 Явился въ Ригъ. Тамъ спѣсиво
 Въ пракширахъ ешалъ онъ пѣнишь пиво,
 Въ дыму шабачныхъ облаковъ;
 Бродишь надъ берегами моря,
 Мечпашъ о Лошхень, или съ горя
 Спихи писашъ, да бишь Жидовъ.
 Студентъ подъ лѣспницею пракшира
 Въ каморкѣ шемной жиль одинъ:
 Тамъ, въ видѣ зеркаль и каршинъ,

Корошкй плащъ, каршузъ, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихше и Пашона,
Да два воспочныхъ лексикона,
Подъ паушиною въ углу
Лежали грудой на полу,
Предметъ занятій разнородныхъ
Ученаго, да крысь голодныхъ.
Мы знаемъ: роскоши пустой
Почтенный мыслишель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суешой,
Въ чуланѣ онъ безопасно свищетъ.
Умѣренность, въщаль мудрецъ,
Сердечь высокихъ оппечашокъ.
Спуденшь однакожь наконецъ
Замѣшилъ важный недоспашокъ
Въ своемъ бышу: ему предметъ
Необходимый былъ... скелешъ;
Предметъ, философамъ любезный,

Предмешь пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣшь :
Но гдѣ доспанешь онъ скелешъ ?
Вошь онъ однажды въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И пошчасъ взявъ въ соображенье
Его характеръ и служенье,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой герой
Открылся кистеру душой
И говоритъ : нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свеспи меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между шѣмъ одинъ скелешъ
Помочь мнѣ вынеспи на свѣшь ?
Клянусь тебѣ Айдескимъ богомъ :
Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обипели моей.

Смутился кистеръ изумленный.
 « Чшо за желанье? чшо за спрась?
 Ишти въ подваль уединенный,
 Вспревожишь мершвыхъ сонъ почщенный
 И одного изъ нихъ укрась!
 И кшо же?... Онъ, гробовъ хранишель!
 Чшо скажущь мершвые попомъ? »
 Но пиво, спраха усыпишель
 И гнѣвной совѣспи смиришель,
 Сомнѣнья разрѣшило въ нёмъ.
 Ну, шакъ и бышь! Даешь онъ слово,
 Чшо къ ночи будешь все гошово
 И другу назначаешь часъ.
 Они распались.

День угась.

Настала ночь. Плащемъ покрытый,
 Споишь герой нашъ знамениый
 У галлерей гробовой,
 И съ нимъ пресшупный кистеръ мой,
 Держа въ рукъ фонарь разбиый,

Гоповъ на подвигъ роковой.
 И вопъ визжишь замокъ заржавый,
 Визжишь предашельская дверь —
 И сходяшь випязи шеперь
 Во мракъ подвала величавый;
 Сіянемъ пощимъ фонаря
 Глухіе своды озаря,
 Идуть — и эхо гробовое,
 Смущенное въ своемъ покоѣ,
 Просяжно вшорить звукъ шаговъ.
 Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
 Вездѣ щипы, гербы, короны;
 Въ щеславномъ плѣниі кругомъ
 Почіюшь непробуднымъ сномъ
 Высокородные бароны...

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рифмы
 въ эту поэтическую минушу, если бы швой
 праждѣ, коего гробъ попался подъ руку спу-
 денша, вздумалъ за себя всшупишься, ухващя

его за воротъ, или погрозивъ ему косянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію похищеніе совершилось благополучно. Студентъ по часнямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы косями его. Возвращаясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелеть очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельство не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, шо, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ шабакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я себя

люблю, успунилъ мнѣ черепъ одного изъ шѣхъ,
кошорымъ обязанъ я швоимъ существованіемъ.

Прими жь сей черепъ, Д***: онъ
Принадлежишь тебѣ поправу.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благоприсойную оправу.
Издѣлье гроба превраши
Въ увеселишельную чашу,
Виномъ кипящимъ освяши,
Да запивай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара подражай,
И Скандинавовъ рай воинской
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или, какъ Гамлешъ-Барапынской,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мершвыи проповѣдникъ,
Виномъ ли полный иль пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоишь головы живой.

VI.

ПОЭТЪ.

Пока не пребуешь поэта
Къ священной жерпвѣ Аполлонъ,
Въ забошахъ суешнаго свѣша
Онъ малодушно погружёнъ;
Молчишь его свяшая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣшей ничтожныхъ міра,
Быть можеть, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснешся,
Душа поэта вспрепенешся,
Какъ пробудившійся орёлъ.
Тоскуешь онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждаешся молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонишь гордой головы;
Бѣжишь онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смященья полнь,
На берега пустынныхъ волнь,
Въ широкошумныя дубровы...

VII.

Близъ мѣсть, гдѣ царствуетъ Венеція злая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плывешь,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поешь.
Онъ любишь пѣснь свою, поешь онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаешь ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и шихой музы полнь,
Умѣешь усладить свой пупъ надъ бездной волнь.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури шакъ жестоко
Преслѣдують во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ опзыва ушѣшно я пою
И пайные стихи обдумывать люблю.

VIII.

КНЯГИНЬ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Среди разсыянной Москвы,
При шолкахъ виспа и боспона,
При бальномъ лепешѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь пы
Волшебный скипепрь вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьепся и пылаешъ геній.

Пѣвца, плѣннаго побой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Кашалани
Цыганкѣ внемлешь кочевой.

1828.

К 1916 С

I.

ЧЕРНЬ.

Procul este, profani.

Поэшь по лирь вдохновенной

Рукой разсыянной бряцаль.

Онъ пѣль — а хладной и надменной

Кругомъ народъ непосвященной

Ему безмысленно внималь.

И полковала чернь шупая:

«Зачѣмъ шакъ звучно онъ поешь?»

Напрасно ухо поражая,

Къ какой онъ цѣли насъ ведеть?»

О чемъ бренчишь? чему насъ учишь?
 Зачѣмъ сердца волнуешь, мучишь,
 Какъ своенравный чародѣй?
 Какъ вѣсперъ пѣснь его свободна,
 За то какъ вѣсперъ и бесплодна:
 Какая польза намъ ошь ней? »

П о э т ь .

Молчи, безсмысленный народъ,
 Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
 Несносенъ мнѣ швой ропоть дерзкой.
 Ты червь земли, не сынъ небесъ;
 Тебѣ бы пользы все — на вѣсь
 Кумирь ты цѣнишь Бельведерской.
 Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
 Но мраморъ сей вѣдь богъ!... шакъ что же?
 Печной горшокъ тебѣ дороже;
 Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Ч е р н ь .

Нѣшь, если ты небесъ избранникъ,
 Свой даръ, божественный посланникъ,

Во благо намъ употребляй:
 Сердца собратъевъ исправляй.
 Мы малодушны, мы коварны,
 Безспыдны, злы, неблагодарны;
 Мы сердцемъ хладные скопцы,
 Клевешники, рабы, глупцы;
 Гнѣздяся клубомъ въ насъ пороки:
 Ты можешь, ближняго любя,
 Давашь намъ смѣлые уроки,
 А мы послушаемъ шебя.

П о э т ъ.

Подите прочь — какое дѣло
 Поэшу мирному до васъ!
 Въ развратѣ каменѣйше смѣло:
 Не оживишь васъ лиры гласъ!
 Душѣ прошивны вы какъ гробы.
 Для вашей глупосши и злобы
 Имѣли вы до сей поры
 Бичи, шемницы, шопоры;
 Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!

Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Смешаюшь сорь — полезный шрудь! —
Но, позабывъ свое служенье,
Алшарь и жершвоприношенье,
Жрецы ль у васъ мешлу берутъ?
Не для жишейскаго волненья,
Не для корыспи, не для бипвь,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молишвь.

II.

Спо льшь минуло, какъ Тевшонь
 Въ крови невѣрныхъ окупался ;
 Спраной полночной правилъ онь,
 Уже Прусакъ въ оковы вдался,
 Или сокрылся, и въ Липву
 Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными берегами
 Спруился Нѣмень : на одномъ
 Еще надъ древними стѣнами
 Сіяли башни, и кругомъ
 Шумѣли роци вѣковыя,
 Духовъ приспанища свящылъ.
 Символь Германца, на другомъ

Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захвапиль
Хотѣлъ всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлачиль.

Съ медвѣжей кожей на плечахъ,
Въ космашой рысьей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Липовцы юные, въ шолпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На спражѣ Нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдую глазами,
Пищаль, съ молитвой, заряжалъ.

Всякъ переправу охранялъ:
Токъ Нѣмена гостепріимной,
Свидѣшель ихъ вражды взаимной,
Сшаль прагомъ вѣчноспи для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ ушихъ,
И всякъ, пересшупившій воды,
Лишень былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль Липовскихъ береговъ,
Нѣмецкой шополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ просниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ прошивныхъ доспигаль
И друга нѣжно обнималь.
Лишь соловьи дубравъ и горь
Посшаринѣ вражды не знали,
И въ оспровъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гостши прилешали.

III.

УТОПЛЕННИКЪ.

Вдъти речеши оубо, чотъ речеши марси

Прибѣжали въ избу дѣши,

Вшоропяхъ зовушь ошца:

«Тяшя! шяшя! наши сѣши

Пришацили мершвеца.»

Врише, врише, бѣсеняша,

Заворчалъ на нихъ ошець;

Охъ, ужъ эши мнѣ робяша!

Будешъ вамъ ужо мершвець!

Судь надешь, отвѣчай-ка;
 Съ нимъ я вѣкъ не разберусь;
 Дѣлашь нечего; хозяйка,
 Дай кафшань: ужь поплешусь...
 Гдѣ жь мершвецъ?— «Вонъ, шпя, э-вошь!
 Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
 Гдѣ разосланъ мокрой неводъ,
 Мершвыи видѣнъ на пескѣ.

Безобразно шрупъ ужасный
 Посинѣлъ и весь распухъ.
 Горемыка ли несчастный
 Погубилъ свой грѣшный духъ,
 Рыболовъ ли взялъ волнами,
 Али хмѣльный молодець,
 Аль ограбленный ворами
 Недогадливый купецъ:

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ;
Онъ попопленное шѣло
Въ воду за ноги шацишь
И онъ берега крушаго
Ошполкнулъ его весломъ,
И мершвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крешомъ.

Долго мершвый межъ волнами
Плылъ качаясь, какъ живой:
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
« Вы, щенки! за мной спупайте!
Будешъ вамъ по калачу,
Да смоприше жъ, не болшайте,
А не шо поколочу. »

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хашѣ мужика,
Дѣши спяшь, хозяйка дремлешь,
На палапяхъ мужъ лежишь,
Буря воешь; вдругъ онъ внемлешь:
Кшо-шо шамъ въ окно спучить.

«Кшо шамъ?» — Эй, впусти, хозяинъ! —
«Ну, какая шамъ бѣда?
Чшо ты ночью бродишь, Каинъ?
Чорпъ занесъ шебя сюда;
Гдѣ возишься мнѣ съ побою?
Дома шѣсно и шемно.»
И лѣнивою рукою
Подымаешь онъ окно.

Изъ-за шучь луна капишся —
Что же? голый передь нимъ :
Съ бороды вода спруишся,
Взорь ошкрышь и недвижимъ,
Все въ немъ страшно оньмѣло,
Опустились руки внизь,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черныя впились.

И мужикъ окно захлопнуть :
Госпя голаго узнавъ ,
Такъ и обмерь : чшобъ шы лопнуть!
Прошепсаль онь задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались ,
Трясса ночь онь напролѣшь ,
И до ушра все спучались
Подь окномъ и у ворошь.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говоряшь, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждѣть;
Ужь съ утра погода злился,
Ночью буря нашлаёшь,
И ушопленникъ спучишся
Подъ окномъ и у ворошъ.

IV.

Т Ы и В Ы.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
Она обмолвась замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво спую;
Свесши очей съ нея нѣшь силы;
И говорю ей: какъ *вы* милы!
И мыслю: какъ *тебя* люблю!

V.

Кобылица молодая,
Чеснь Кавказскаго шавра,
Чшо ты мчишься, удамая?
И тебѣ пришла пора;
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заспаваю
Я смиришься подо мной:
Въ мѣрный кругъ швой бѣгъ направлю
Укороченной уздой.

VI.

ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выишь за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой соседъ!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полною не виномъ,
Но упоительной ошравой:
Онъ заманишь меня попомъ
Тебѣ вослѣдъ опяшь за славой,
Не шакъ ли опытный гусарь,
Вербуя рекрута, подносишь
Ему веселый Вакха даръ,

Пока воинственный угарь
Его на мѣстѣ не подкосить?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ сѣняхъ Парнасса;
Предъ дѣломъ кубокъ наливай
И лавръ Корнея или Тасса
Одинъ съ похмѣля пожинай.

VII.

НА ПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ :
Сспрасшей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоишелень языкъ !
Но прекраши свои рассказы,
Таи, шай свои мечшы :
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнатьъ, что знала ты !

VIII.

И. В. С * * *.

Я не люблю альбомовъ модныхъ :

Ихъ ослѣпительная смѣсь

Аспазій нашихъ благородныхъ

Провозглашаетъ только смѣсь.

Альбомъ красавицы уѣздной,

Альбомъ домашній и простой,

Милѣй болшливостью любезной

И безыскусной песпропой.

Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,

Являясь впрочемъ не хочу;

Но швой альбомъ другое дѣло,

Охотно дань ему плачу.

Тобой питомцамъ Аполлона
Не изъ щеславья онъ открышь :
Царицъ ты любишь Геликона
И ими самъ не позабышь ;
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ ,
Какъ въ дружескій , пріятный домъ ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И даръ молишвеннымъ спихомъ .

IX.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда для смершнаго умолкнеть шумный день
И на нѣмыя спогны града
Полупрозрачная наляжеть ночи тѣнь
И сонь, дневныхъ трудовъ награда,
Въ шо время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горяшь во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечшы кипяшь; въ умѣ, подавленномъ поской,
Тѣснися тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваешь свисокъ:

И, съ отвращеніемъ чистая жизнь мою,
Я пренежду и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но сирокъ печальныхъ не смываю.

X.

Воронъ къ ворону лешить,
 Воронъ ворону кричишь:
 Воронъ, гдѣ бѣ намъ опобѣдашь?
 Какъ бы намъ о томъ провѣдашь?

Воронъ ворону въ спвѣшь:
 Знаю, будешь намъ обѣдь;
 Въ чиспомъ полѣ подь ракишой
 Богашырь лежишь убишой.

Кѣмъ убишь и ошь чего,
Знаешь соколь лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Соколь въ рошу улешѣль,
На кобылку недругъ сѣль,
А хозяйка ждешъ милѡва,
Не убишаго, живова.

XI.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова пучи надо мною
Собралися въ шишинъ;
Рокъ зависливый бѣдою
Угрожаешь снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и шерпѣнье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью упоженный,
 Равнодушно бури жду:
 Можешь быть, еще спасенный,
 Снова пристань я найду....
 Но, предчувствуя разлуку,
 Неизбъжный, грозный часъ,
 Сжаль твою, мой ангель, руку
 Я сплшу въ послѣдній разъ.

Ангель крошкй, безмятежный,
 Тихо молви мнѣ: проси,
 Опечалься: взоръ свой нежный
 Подыми иль опусти;
 И свое воспоминаье
 Замѣнишь душѣ моей
 Силу, гордость, упованье
 И опвагу юныхъ дней.

XII.

Ц В Ъ Т О К Ъ .

Цвѣпокъ засохшій, безуханной,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вопъ уже мечшою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣль? когда? какой весною?
И долго ль цвѣль? и сорвань кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положень сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
 Или разлуки роковой,
 Иль одинокаго гулянья
 Въ пиши полей, въ шени лѣсной?

И живъ ли пошь, и ша жива ли?
 И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
 Или уже они увяли,
 Какъ сей невѣдомый цвѣшокъ?

XIII.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и граница —
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходить маленькая ножка,
Вѣшся локонь золошой.

XIV.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаюшь мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальній.

Увы, напоминаюшь мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И снѣжь, и ночь, и при лунѣ
Чершы далекой, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаюшь мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальней.

XV.

ОТВѢТЬ А. Н. ГОТОВЦОВОЙ.

И недоувѣрчиво и жадно
Смошрю я на швои цвѣшы.
Кшо, спрогий споикъ, примешъ хладно
Привѣшь харишь и красошы?
Горжуся имъ, но и робью:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадашь вполнѣ не смью.
Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?
О, сколько бѣ мукъ себѣ гошовиль
Красавиць въшранный Зоиль,
Когда бѣ предашельски злословиль
Сей поль, кошорому служиль!

Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ; а пы
Была всегда бѣ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

XVI.

TO DAWE, ESQ^r.

Зачѣмъ швой дивный карандашъ
Рисуешь мой арапскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищешь Мефистофиль.

Рисуй * * * чершы.
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ бышь долженъ гений.

1829.

1916

Е. Н. У***ВОЙ.

Вы избалованы природой;
Она присраспна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажешся докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Чшо васъ любить немудрено,
Чшо нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Чшо легкимъ спаномъ вы Сильфида,
Чшо ваши алья уша,
Какъ гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза,
Предъ вами шумъ и суеша.

Но красоты воспоминанье
Намъ сердце прогаешь шайкомъ —
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ,
Авось на память поневолю
Придешь вамъ пошь, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Пр * * * поле
Еще заборъ не заграждалъ.

РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

П Т И Ч К А .

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родный обычай старины :
На волю птичку выпускаю
При свѣпломъ праздникѣ весны.
Я спалъ доспуненъ утѣшенью ;
Зачшо на Бога мнѣ ропшашъ,
Когда хошь одному шворенью
Я могъ свободу даровашъ !

II.

И Н О С Т Р А Н К Ъ .

На языкъ, тебѣ невнятномъ,
Стихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну,
Въ разлукѣ чувство погубя,
Богосворишь не переспану
Тебя, мой другъ, одну тебя.
На чуждыя чершы взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его спраспей не понимая.

III.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ пѣнишельная сладость
Пройдетъ вѣковъ зависливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Упѣшился безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

IV.

К. А. Б***.

Что можемъ наскоро спихами молвить ей?

Мнѣ истина всего дороже.

Подумаешь не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;

Подумаешь, я скажу все поже.

V.

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣшъ я ни слова...
И, кажешся, мой быспрый гнѣвъ угась;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любаго:
Не избѣжишь пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, беспощадный.
Такъ въ облакахъ кружишься яспребъ жадный
И спорожишь индѣекъ и гусей.

VI.

ПРОЗА.

Гдѣ наша роза,

Друзья мои?

Увяла роза,

Дишя зари.

Не говори:

Такъ вянешь младось!

Не говори:

Вошь жизни радость!

Цвѣтку скажи:

Проси, жалю!

И на лилею

Намъ укажи.

VII.

СТАРИКЪ.

Ужъ я не шопъ любовникъ спрашной,
Кому дивился прежде свѣшь :
Моя весна и льшо красно
Навѣкъ прошли, пропаль и слѣдь.
Амуръ, богъ возраста младаго!
Я швой служитель вѣрный былъ ;
Ахъ, если бѣ могъ родиться снова,
Ужъ шакъ ли бѣ я шебѣ служиль!

VIII.

Охошникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный Зоиль
Разводишь опиумъ черниль
Слюнею бѣшеной собаки.

IX.

П Р І Я Т Е Л Ю .

Не прищворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не спрашенъ лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,
Я слишкомъ въпренъ и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я въ Пешрарки не гожусь.

X.

Л И Л Ъ.

Лила, Лила, я спрадаю
Безопрядную поской,
Я шомлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила: ты прекрасна
И безчувственной красой.

XI.

КЪ * * *.

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омрачѣнъ,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не миль мнѣ сладкой жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой оспылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаешь счастья.
На крашкѣй мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладоспращья
Останешся уныніе одно.

XII.

У Кларисы денегъ мало,
Ты богашь; иди къ вѣнцу:
И богашство ей приспало,
И рога шебѣ къ лицу.

XIII.

УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ, кто въ опдаленной сѣни,
Вдали взыскашельныхъ невѣждъ,
Дни дѣлишь межъ шрудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милосши Творца,
Отъ усыпишеля глупца,
Отъ пробудишеля нахала.

XIV.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносень Оирсъ ученый,
Педаншь надушый и мудреный:
Онъ важно судишь обо всёмъ,
Всего онъ знаешь понемногу.
Люблю себя, сосѣдь Пахомъ:
Ты просто глупъ, и слава Богу.

XV.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шумъ о нихъ спашейку писнулъ,
Безъ подписи жь пусшивъ ее злодѣй.
Но что жь? Ни мнѣ, ни площадному шуму
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когшамъ узналъ меня вминушу,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

XVI.

И М Я Н И Н Ы.

Умножайте шумъ и радость;

Пойте пѣсни въ добрый часъ:

Дружба, грація и младость

Имяниницы у насъ.

Между шѣмъ дия крылато,

Васъ привѣстсвуя, друзья,

Вшайнѣ думаетъ: когда-шо

Имянинникъ буду я?

XVII.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаешь онъ привычнымъ ухомъ

Свисть;

Мараешь онъ единымъ духомъ

Листь;

Пошомъ всему шерзаетъ свѣшу

Слухъ;

Пошомъ печашаетъ : и въ Лешу

Бухъ!

XVIII.

КЪ ПОРТРЕТУ * * *.

Судьба свои дары явишь желала въ нёмъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И престоудшіе съ язвительной улыбкой.

XIX.

Хоть впрочем онъ поэтъ изрядный;

Эмилій человекъ пустой.

Да ты чѣмъ полонъ шушь нарядный?

А, понимаю: самъ собой;

Ты полонъ дряни, милый мой!

XX.

Какъ брань себѣ не надоѣла!

Расчешь корошокъ мой съ шобой:

Ну, шакъ, я праздень, я безъ дѣла;

А ты бездѣльникъ дѣловой.

XXI.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЬ.

Я люблю вечерній пирь,
Гдѣ веселье председаель,
А свобода, мой кумирь,
За шоломъ законодаель,
Гдѣ до ушра слово пей,
Заглушаель крики пѣсень,
Гдѣ проспорень кругъ гостей,
А кружокъ бушылокъ шѣсень.

XXII.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Что жь новаго? — « Ей Богу ничего. »
— Эй не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердись: помилуй, братъ, за что?
Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
« Охъ! опвяжись, я знаю шолько то,
Что ты дуракъ, да это ужь не ново. »

XIII.

Нѣшъ ни въ чемъ вамъ благодати;

Съ счасіемъ у васъ разладъ:

И прекрасны вы не кшаши

И умны вы не впопадъ.

XXIV.

КЪ Б * * *.

Спишь каждый повѣсти швоей
Звучишь и блещешь какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А швой Зоиль прямой Чухонецъ.

XXV.

ЗОЛОТО И БУЛАТЬ.

Все мое, сказала злопо;

Все мое, сказала булашь.

Все куплю, сказала злопо;

Все возьму, сказала булашь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
(V. *Les derniers vers d'André Chénier.*)
2. У Авеля, у Фанни.
Abel doux confident de mes jeunes mistères (El. I.): одинъ изъ друзей А. Ш.
Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.
3. И Узница мол.
V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).
4. Voyez ses iambes.
Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.
(H. de la Touche.)
5. Онъ былъ казнень 8 шермидора, ш. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.
6. На роковой шѣлегѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.
(H. de la Touche.)
7. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
1825. I. Андрей Шенье.....	7.
II. Сожженное письмо.....	16.
III. Желаніе славы.....	17.
IV. Вакхическая пѣсня.....	19.
V. (Если жизнь шебя обманешъ).....	21.
VI. Сафо.....	22.
VII. Козлову. <i>По полученіи отъ него</i> <i>Чернеца</i>	23.
VIII. Къ * * *.....	25.
IX. Прозаикъ и поэтъ.....	28.
X. Движеніе.....	29.
XI. Дружба.....	30.
XII. Соловей и Кукушка.....	31.
XIII. Совѣщъ.....	32.
XIV. (Подъ небомъ голубымъ страны своей родной).....	33.
XV. 19 Окшября.....	34.
XVI. Женихъ. <i>Простонародная сказка</i> ...	44.
XVII. (Въ крови горитъ огонь желанья)...	56.
XVIII. (Верхоградъ моей сестры).....	57.
XIX. П. А. О * * *.....	58.
XX. Сцена изъ Фауста.....	60.
XXI. Н. Н. <i>При посылкѣ ей Невскаго</i> <i>Альманаха</i>	68.
XXII. Буря.....	69.

	Стран.
1826.	I. Пророкъ.....73.
	II. Зимняя дорога.....75.
	III. Опвѣсть Ѳ. Т * * *.....78.
	IV. Къ Яз * * *.....76.
1827.	I. Спансы.....83.
	II. Талисманъ.....85.
	III. Ангель.....88.
	IV. Соловей.....90.
	V. Черепъ. <i>Посланіе къ Д * * *</i>91.
	VI. Поэшь.....100.
	VII. (Близъ мѣспъ, гдѣ царствуетъ Венеція злая). <i>Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье</i>102.
	VIII. Княгиня З. А. Волконской. <i>При посылкѣ ей поэмы: Цыганы</i>103.
1828.	I. Чернь.....107.
	II. (Сто лѣтъ минуло, какъ Тевпонъ). <i>Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича: Конрадъ Валленродъ</i>111.
	III. Ушопленникъ. <i>Простонародная сказка</i>114.
	IV. Ты и Вы.....120.
	V. (Кобылица молодая). <i>Подражаніе Анакреону</i>121.
	VI. Опвѣсть Кашенину.....122.
	VII. Наперсникъ.....124.
	VIII. И. В. С * * *.....125.
	IX. Воспоминаніе.....127.

Спран.

- Х. (Воронъ къ ворону лепипть). *Шотландская пѣсня* 129.
- XI. Предчувствіе..... 131.
- XII. Цвѣшокъ..... 133.
- XIII. (Городъ пышный, городъ бѣдный). 135.
- XIV. (Не пой, красавица, при мнѣ) ... 136.
- XV. Опвѣсть А. Н. Гоповцовой..... 138.
- XVI. To Dawe Esqr. 140.
1829. Е. Н. у * * * вой. *Въ Альболи*. 143.

Разныхъ годовъ:

- I. Пшичка..... 147.
- II. Иностранкѣ..... 148.
- III. Къ портрету Жуковского 149.
- IV. К. А. Б * * * 150.
- V. Пріятельмъ 151.
- VI. Роза 152.
- VII. Спарикъ. *Изъ Маро* 153.
- VIII. (Охотникъ до журнальной драки).. 154.
- IX. Пріятелю..... 155.
- X. Лилѣ..... 156.
- XI. Къ * * * 157.
- XII. (У Кларисы денегъ мало)..... 158.
- XIII. Уединеніе..... 159.
- XIV. Добрый человекъ 160.
- XV. Ex ungue leonem..... 161.
- XVI. Имянины..... 162.
- XVII. Исторія спихошворца..... 163.

	Стран.
XVIII. Къ поршрешу * * *	164.
XIX. (Хопъ впрочемъ онъ поэпъ изряд- ный).....	165.
XX. (Какъ брань шебъ не надоѣла)	166.
XXI. Веселый пиръ.....	167.
XXII. Любопытный.....	168.
XXIII. (Нѣпъ ни въ чемъ намъ благодаши).	169.
XXIV. Къ Б * * *	170.
XXV. Золошо и булашь.....	171.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

К 1916 С 1716

[80]

Digitized by Google

К 1910 С 17617

